

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА*

Христианская притча в народной гравюре XVIII–XIX веков в общеславянском культурно-языковом контексте

PLETNEVA, A.: Christian Parable in the 18th–19th Century Popular Engravings as part of the Common Slavic Cultural and Linguistic Context. *Slavica Slovaca*, 58, 2023, No 2, pp. 369–382 (Bratislava).

The article is devoted to the analysis of folk literature monuments, namely parable texts, presented in popular engravings. Parables used to serve as both entertaining and edifying readings; they could also be used as material for church sermons. Popular engravings may involve classical prose parables and ones composed in syllabic verse, which correlate with the “school” baroque poetic tradition. Part of the parables featured on engraved sheets originate from the gospel texts. Other parables can be associated with both translated and original works of Old Russian literature. Besides, one distinguishes parable texts sourced from Western European engravings. Most of the parables, which became part of popular engravings, come from the collection of stories *Velikoe Zertsalo* (*‘Great Mirror’*) translated from Polish into Church Slavonic. Other texts of non-evangelical origin made their way to engravings through the collections *Prolog* (*‘Prologue’*) and *Zlatoust* (*‘Chrysostom’*). It is important to conclude that the Slavia Orthodoxa and the Slavia Romana traditions share common moralising storylines.

Folk literature, popular engravings, lubok, parables, gospel stories, “school” baroque poetics, Church Slavonic.

1. Введение

В последние десятилетия исследователи, говоря о письменном наследии славянского мира, как правило, больше обращают внимание на различие ареалов Slavia Orthodoxa и Slavia Romana, чем на их сходство. Сходство кажется чем-то само собой разумеющимся, а значит и не нуждающимся в специальном осмыслении. Между тем, как это часто бывает с вещами, которые кажутся самоочевидными, масштаб этого сходства, как и механизмы взаимных влияний, описаны недостаточно. В настоящей статье речь пойдет о «популярном богословии», т.е. о вероучительных текстах, адресованных самой непритязательной массовой аудитории. Материалом нашего исследования послужат гравированные листы с текстами нравоучительных притч. Такого рода тексты были широко распространены в христианских культурах разных народов. При этом особый интерес для нас представляют западнославянские сборники с текстами подобного рода, введенные в научный оборот Светланой Шашериной.¹ Это публикации закарпатских народно-учительных текстов, появившихся в XVII–XVIII веках. Адресат этих текстов близок адресату восточнославянских гравированных притч. Типологическая близость этих памятников дает интересный материал для наблюдений над сходством и различиями народной письменности славянского востока и запада, над направлением литературных влияний и способами адаптации заимствованных сюжетов к местным запросам.

* Александра Плетнева, кандидат филологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-2949-3350>, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. apletneva@list.ru.

¹ Šašerina, S.: Две углянские рукописи поучений и притч XVI века. *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae VI*. Bratislava: VEDA, 2019; Šašerina, S.: Две рукописи Стефана Глинки из села Литмановой на Спише XVIII в. *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae X*. Bratislava: VEDA, 2023.

Народная литература в России XVIII–XIX вв. как целостное явление не то чтобы плохо исследована,² но не соотнесена с общей историей литературы и культуры. На сегодняшний день не выделены четкие критерии, позволяющие отнести тот или иной памятник к народной литературе. Основными источниками для изучения этой темы содержащими эти тексты, являются рукописные сборники эпохи книгопечатания³ и произведения народной гравюры. В этой статье речь пойдет о целногравированных листах, содержащих картинку и сопровождающий ее текст. В литературе это явление называется по-разному: народная гравюра, народная картинка, лубок. Благодаря тому, что коллекционер и исследователь этого явления Д. А. Ровинский собрал и описал народные гравюры в своем каталоге «Русская народная картинка» (далее РНК), у нас есть корпус текстов, представленных в гравированных изданиях конца XVII — первой трети XIX века.⁴

Лубок был адресован тем категориям населения, чье образование ограничивалось либо усвоенными дома навыками чтения, либо самыми первыми классами школы. То есть народная гравюра была адресована массовой аудитории — горожанам и крестьянам. Не искушенные высокой литературой, читатели лубка выбирали для себя простые тексты, имеющие развлекательный и/или назидательный характер.⁵ Именно эти тексты представлены в подавляющем количестве в РНК.

В данном случае нас интересуют притчи на христианскую тематику. Гравированная картинка с текстом — оптимальный формат для притчи, так как тексты этого жанра, как правило, небольшие по объему и помещаются на одном или нескольких листах, объединенных в серию. Под притчей здесь мы понимаем небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее религиозное поучение в иносказательной форме. На гравированных листах имеется значительное количество текстов, которые можно обозначить как христианские притчи. Они имеют четкий сюжет, из которого выводится нравоучение. Такая притча учит читателя правильному поведению, трактует нормы христианской жизни. Сюда относятся, прежде всего, евангельские притчи и тексты, их интерпретирующие, а также тексты, восходящие к различным средневековым сборникам.

Есть в РНК и другие притчевые тексты, которые не совсем соответствуют приведенному выше определению. Эти тексты возникли в европейской культуре Нового времени, в них зачастую нет конкретного сюжета, однако присутствует назидание и поучение. Нередко такие притчи имеют поэтическую форму. Эти притчи мы условно назовем «барочными», об их особенностях речь пойдет ниже.

В данной статье мы разберем представленные в РНК притчи с точки зрения сюжета, а также литературных источников, из которых они были заимствованы в народную картинку.⁶

² В настоящее время народная (массовая) литература в России изучается в рамках социологии и истории чтения. См. Рейтблат, А. И.: От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва: Новое литературное обозрение, 2009.

³ Сперанский, М. Н.: Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963.

⁴ Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки, т. 1-5. Санкт-Петербург, 1881.

⁵ Плетнева, А. А.: Лубочная Библия: язык и текст. Языки славянской культуры. Москва, 2013, с. 25-28.

⁶ Следует оговорить, что мы рассматриваем далеко не все тексты, включенные Д. А. Ровинским в раздел РНК «Притчи». Это связано с тем, что в данном разделе помещен чрезвычайно разнородный материал. Наряду с собственно притчами мы находим здесь ряд текстов, жанр которых порой сложно определить. Здесь помещены и гадательные листы (колесо фортуны, рафли), и вруцелетия (метод соотношения дней недели и календарного числа с помощью суставов пальцев и специальной таблицы), и листы о сложении перстов, и аллегория с изображением церкви как корабля, осаждаемого еретиками, и изображение печати царя Соломона, и многое другое. Некоторые из этих текстов по тематике близки к христианской притче, но в основе повествования

2. Евангельские притчи и их лубочная интерпретация⁷

Если ветхозаветные сюжеты широко представлены в народной гравюре,⁸ то евангельские сюжеты – очень ограничено. В народной гравюре почти нет историй о жизни и поведении Христа и его учеников. Вероятно, это объясняется тем, что Евангелие в целом воспринималось как священная книга, не предназначенная для легкого чтения. Кроме того, мы уже оговаривали, что для лубка присущ развлекательный и поучительный компонент. История земной жизни Христа вряд ли может рассматриваться в этих рамках. Исключением являются евангельские притчи, сюжет которых изолирован от евангельского повествования.

На гравюрах евангельские притчи присутствуют в нескольких вариантах. Это могут быть непосредственные заимствования из церковнославянского Евангелия. При этом евангельский текст может в той или иной степени сокращаться и интерпретироваться в фольклорном духе. Кроме того, здесь встречаются литературные произведения на тему евангельских притч. Как правило, это виршевые стихи, сочиненные в рамках школьной поэтики.⁹ Рассмотрим эти варианты на конкретных текстах.

«Притча о богатом и убогом Лазаре» (№ 686 по каталогу РНК¹⁰) восходит к Лк. 16: 19-31. Если в евангельской притче богатч является анонимным лицом, а нищий назван по имени, то в лубочном тексте оба лица Лазари. Это соответствует фольклорной традиции, где евангельская притча превращается в притчу о двух братьях Лазарях — богатом и бедном.¹¹ На лубочной картинке, где изображен умерший богатч подпись: «Богаты Лазарь умре и погребоща его». Мучимый в аду, богатый Лазарь обращается к Аврааму: «Отче Аврааме, пошли брата моего Лазаря да омочит перст свой воде и прохладит язык мой».¹² На картинках № 687, № 688,¹³ № 689¹⁴ представлен тот же сюжет, но богатч, как и в евангельском тексте, не имеет имени, и Лазарь ему не брат.

«Притча о десяти девах» (№ 690) восходит к Мф 25: 1-13. Гравированный текст воспроизводит евангельский фрагмент, а предвзывает его виршевое четверостишие: Десяти девам Христос царствие небесное уподобляет. / Юродивые же презирает, с мудрыми

лежит не сюжетная история, которую можно интерпретировать как поучительную, а метафора (например, текст о том, как дьявол женился на неправде, и они родили семь смертных грехов – № 714 РНК). Метафора не учит правильно поступать в определенных ситуациях, как этому учит притча, поэтому такие тексты при всех их яркости и самобытности в настоящей статье мы рассматривать не будем. Раздел «Притчи» РНК также включает гравированные Синодики, которые могли содержать дополнительные статьи о важности поминовения усопших, о загробной жизни, о необходимости покаяния и др. См.: Дергачёва, И. В.: Синодик с литературными предисловиями: история возникновения и бытования на Руси. In: Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2001, № 2 (4), с. 89-96. Эти статьи во многом близки притчам, но мы исходим из того, что Синодики – это отдельный литературный жанр, и мы не рассматриваем гравированные предисловия к Синодикам среди притч.

⁷ Здесь и далее мы рассматриваем только те гравюры, которые сопровождаются текстом. Так, например, притча о мытаре и фарисее (в РНК № 691, № 692) представлена только в виде изображения и не имеет текста, поэтому в нашем обзоре она не упоминается.

⁸ Плетнева, А. А.: Лубочная Библия: язык и текст, с. d.

⁹ Как известно, сочинение виршей было необходимым этапом обучения в духовной школе. Об этом, в частности, свидетельствует включение в грамматики XVII в. разделов, посвященных стихосложению.

¹⁰ Все дальнейшие тексты приводятся по каталогу РНК, и впредь мы этого не оговариваем. Если специально не указано, то текст гравюры помещен в основном каталоге, в данном случае – в томе III.

¹¹ Так, например, обстоит дело в духовных стихах: «Было два братца, два Лазаря: / Один братец — богатый Лазарь, / А другой братец убогий Лазарь. Бессонов, П. А.: Калеки переходные. Сборник стихов и исследование. Т. 1. Москва, 1861, с. 49.

¹² В синодальном церковнославянском тексте это выглядит так: «Отче Аврааме, помилуй мя и пошли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой».

¹³ Картинка сделана с немецкого образца. См.: Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 3, с. 3.

¹⁴ Картинка сделана с голландского образца. См.: Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 4, с. 4.

обитает. / Притчею сею Христос ны учит, / Да всяк бдяй неленносно, царствие небесное получит.

«Притча о добром самарянине» (№ 693, № 694) восходит к Лк 10: 25-37. На гравюре № 693 приводится только самое начало евангельского текста, далее следуют вирши на заданную тему. Гравюра № 694 приводит сам евангельский текст.

«Притча о блудном сыне» (№ 695) восходит к Лк 15: 11-32. Гравюра воспроизводит с небольшими сокращениями церковнославянский текст, исключая жалобу старшего сына на несправедливость отца. Объяснить сокращение можно исходя из того, что объем любого гравированного листа небольшой и в нем почти всегда присутствуют сокращения оригинального текста. Кроме того, вторая часть притчи о переживаниях старшего брата не предполагает простого и однозначного вывода из текста для неискушенного в богословских вопросах человека, каким является читатель лубка.

Автором текста, помещенного на гравюре № 696 «Комедия притчи о блудном сыне» является Симеон Полоцкий. Эта комедия была написана, вероятно, в середине 70-х годов¹⁵ и входит в авторский рукописный сборник «Рифмологион». Впервые она была опубликована в 1685 году, уже после смерти автора. Многие исследователи считают это издание мистификацией, т.к. гравюры, включенные в него в качестве иллюстраций, относятся к более позднему времени (к середине XVIII в.).¹⁶ Д. А. Ровинский указывает, что работа над гравюрами, помещенными в его каталоге, проводилась русскими мастерами при личном участии голландского гравера Петра Пикарта (Пикара, Пикарда), который прибыл в Россию в 1702 г.¹⁷ И если издание 1685 годов является мистификацией, то цельногравированное издание «Комедии притчи», которое Ровинский датирует первой половиной XVIII в., является по сути первой печатной версией произведения Симеона Полоцкого. «Комедия притчи» в течение XVIII в. перепечатывалась с одних и тех же досок три раза, из чего можно заключить, что текст был интересен читателю и гравированное издание пользовалось спросом.

В начале текста «Жизнь грешника» (№ 753A)¹⁸ указано, что он относится к евангельскому стиху Лк 6: 41 (Что же видишь сучец, иже есть во очеси брата твоего, бервна же, еже есть во очеси твоём, не чувствуешь?) За указанием на евангельскую цитату следуют виршевые стихи. Однако из содержания вирш очевидно, что они иллюстрируют не стих 41, а стихи 43-45 той же главы (Несъ бо древо добро, творя плода зла, ниже древо зло, творя плода добра. Всяко бо древо от плода своего познается: не от терния бо чешут смоквы, ни от купины емлют гроздия. Благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благае, и злый человек от злаго сокровища сердца своего износит злое, от избытка бо сердца глаголют уста его.)

«Притча о блаженствах» (№ 766), и «Девять блаженств с толкованием» (№ 767) не являются притчами в строгом смысле, однако они восходят непосредственно к евангельскому тексту. А поскольку в народной гравюре не так много евангельских сюжетов, мы в нашем обзоре рассмотрим и эти два. «Притча о блаженствах» восходит к Евангелию, однако не к заповедям блаженств, как это сказано с заглавии, а к Мф 25: 34-36 (Тогда речет Царь сущим одесную его: приидите, благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам

¹⁵ Ефремова, Н. Г.: Драматургия Симеона Полоцкого: первая русская школьная комедия. In: Вопросы театра, 2016, № 3-4, с. 166-169.

¹⁶ Ефремова, Н. Г.: Драматургия Симеона Полоцкого, с. d., с. 178.

¹⁷ Ровинский, Д. А.: Подробный словарь русских гравиров XVI – XIX веков. Санкт-Петербург, 1895, с. 518; Ровинский Д. А.: Русские народные картинки. Т. 4., с. 520.

¹⁸ Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 4, с. 558.

царствие от сложения мира: взалках бо, и дасте Ми, возжадахся, и напоисте Мя: стренен бех, и введосте Мене: нагъ, и одеясте Мя: болен, и посетисте Мене: в темнице бех, и придосте ко Мне). Этот фрагмент Евангелия в катехизисах рассматривается в рамках пятой заповеди блаженств, где говорится о делах милости (блаженны милостивии...).¹⁹ То есть заглавие текста дано в соответствии с катехизической традицией толкования. В гравированном тексте в достаточно вольном виде пересказывается этот фрагмент Евангелия, а за ним приводятся вирши, развивающие тему.

Гравюра «Девять блаженств с толкованием» обращается именно к заповедям блаженств (Мф 5: 2-12). При этом сам евангельский текст не цитируется, а дается именно толкование на него в виде текста с более или менее регулярной глагольной рифмой.²⁰

3. Притчи, восходящие к произведениям древнерусской литературы как переводной, так и оригинальной

3.1. Лубочные притчи из «Великого зеркала»

Наибольшее количество заимствованных сюжетов восходит к «Великому зеркалу». Этот сборник был дважды переведен с польского на упрощенный церковнославянский в XVII веке. В свою очередь польский текст «Wielkie zwierciadło przykładów» восходит латинскому сборнику «Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum», который впервые был напечатан в Нидерландах в XV в. Наизыдающий, притчевый характер текстов сборника, позволяющий облечь абстрактную христианскую идею в занимательную форму, давал возможность использовать его как материал для церковной проповеди. Если первоначально этот сборник задумывался составителями как пособие для проповедника, то в России он, вероятно, никогда не использовался с такой целью. Это было просто занимательное (и одновременно душеполезное) чтение.

Первый перевод был сделан переводчиками Посольского приказа в 1676 – 1677 гг. по распоряжению Алексея Михайловича. Предполагалось, что он будет напечатан, однако этого не произошло, и перевод остался в рукописном виде. Он был достаточно близок к оригиналу, но при этом были исключены имена собственные западного происхождения, в тексте на упоминался Римский папа и т.п. Второй перевод «Великого зеркала» был сделан в конце 1680 годов. Он меньше зависит от польского оригинала. Повествование дополнялось подробностями, диалогами, менялись заглавия. Этот второй перевод был очень популярен у русских читателей, в него включались новые тексты, отсутствующие в оригинале, в том числе и имеющие собственно русское происхождение. Фрагменты, восходящие к «Великому зеркалу», встречаются в рукописных сборниках вплоть до конца XIX в.²¹ Любопытно, что в лубочную письменность из «Великого зеркала» попали в основном христианские притчи о нападении бесов на человека и о посмертных мучениях нераскаявшихся грешников.

Притчи о бесах говорят о явлении нечистой силы человеку и возможности ей противостоять благодаря правильному христианскому поведению. Рассмотрим примеры притч

¹⁹ См. например, Петр (Могила), митрополит Киевский: Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной: с приложением. Петр (Могила), митрополит Киевский. Москва: Синодальная типография, 1900. с. 98-102.

²⁰ Однозначно определить этот текст прозаический или стихотворный невозможно. «Третьего блаженства толкование, кротцы сии суть. Иже всем сладко отвещают, всякого любезными словеси увещают, без ярости наказывают благоговенно увещают». Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 3, с. 146.

²¹ Ромодановская, Е. К.: «Великое зеркало». In: Православная энциклопедия, т. 7. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004, с. 507-509.

о бесах, которые попали в лубок из «Великого зеркала». Притча «Не поминай имени дьявола» (№ 697) содержит нравоучительный рассказ о том, что человеку, невзначай упомянувшему черта, тот может явиться в реальности. «Притча о том, как дьявол обличил священника» (№ 698) повествует о явлении на литургии дьявола священнику, сердце которого было занято не молитвой, а мыслями о готовящемся парадном обеде. «Притча о покаянии некоего князя» (№ 706) повествует о князе, который должен был провести ночь в храме, каюсь в грехах. При этом князю являлись бесы (в виде сестры, жены, священника), которые уговаривали его уйти из храма. Вокруг громыхали молнии и тряслась земля, но князь с честью выдержал все испытания и посрамил беса. «Повесть Иакова о некоем дворянине»²² (№ 718) имеет следующий сюжет. Дьявол указывает обедневшему дворянину, где найти сокровище, а тот в свою очередь обещает привести дьяволу свою жену на место обретения клада. Жена, покорно следуя за мужем, по дороге заходит в церковь и молится Богородице. Богородица, погрузив жену в сон, идет вместо нее. Увидев Божию мать, дьявол с позором бежит, а дворянин, найдя свою жену спящей в церкви, отказывается от нечистого сокровища и посвящает остаток жизни молитве.

Сюжет притч о грехах и посмертных мучениях сводится к тому, что умерший является родственнику (духовному родственнику) и рассказывает о тех мучениях, которые он претерпевает или показывает их. Причем определенное мучение связано с конкретным грехом. Рассмотрим примеры. Так, в «Притче о грешной матери, явившейся по смерти сыну своему иноку» (№ 700) инок во сне видит свою мать, подвергшуюся страшным мучениям после смерти. Мать рассказывает ему, за какие грехи она претерпевает эти мучения, мучения описываются в больших подробностях. «Притча о девице, умершей в блудном грехе без покаяния» (№№ 701–702) имеет следующий сюжет. Духовный отец в молитве видит свою духовную дочь, которая умерла в нераскаянном блудном грехе, при этом ее мучения излагаются достаточно подробно. «Притча о жене, умершей в блудном грехе без покаяния» (№ 703) имеет сходную интенцию, но в этом тексте нет самой сцены видения, а есть простое повествование о женщине, умершей без покаяния, и описание деталей ее посмертных мучений. «Притча о завистливых» (№ 724) посвящена греху осуждения. Некий человек был завистлив и осуждал других. После смерти он явился знакомому с огненным языком до земли и сказал, что страдает из-за своего невоздержанного языка. «Притча о великих муках в чистилище» (№ 729) говорит о том, как видение посмертных мучений дает человеку возможность терпеть земные страдания. Некий человек выбирает умереть, но не терпеть жестоких страданий во время болезни. Он попадает в ад, и ангел, явившись ему, спрашивает, готов ли он вернуться и терпеть столько, сколько следует на земле. Человек, испытавший ужас ада, с радостью соглашается и возвращается на землю.

В некоторых случаях картины ада противопоставляются картинам рая. Так, в притче «Отец с сыном в муках взаимно себя проклинают» (№ 699) старец видит картины ада и рая. В аду отец с сыном ругаются и обвиняют друг друга. Отец говорит, что, думая о будущем своего сына, он вынужден был вести себя как лихоимец, клятвопреступник, человек, оставивший всякую милость, а значит, он оказался в аду из-за сына. Сын же упрекает отца, что тот не научил его закону Божью и как стяжать царство небесное. В раю же старец видит, как отец с сыном хвалят друг друга: сын хвалит отца за то, что тот дал ему правильное воспитание, а отец говорит, что в земной жизни сын был хорошим и послушным.

²² В «Великое зеркало» сюжет попал из «Золотой легенды».

Тему важности покаяния не только для посмертной судьбы, но и для земного благополучия можно проиллюстрировать «Притчей о воине, простившем убийцу своего брата» (№ 704). Здесь говорится о том, как воин не стал мстить убийце брата, когда тот раскаялся перед ним в Страстную пятницу.

В притчах, заимствованных из «Великого зеркала», представлена также тема необходимости для христианина церковной службы и знаний основ веры. Так в «Притче о двух юношах» (№ 709) молодые люди в воскресный отправились гулять. Первый из был с утра на церковной службе, а второй не только не был, но и смеялся над первым. Налетевшая буря убила второго, а первый счастливо спасся. Притча «О простолюдине, не хотевшем слушать слово Божие» (№ 723) повествует о некоем человеке, не слушавшем то, что звучит в церкви. Когда он умер и его отпевали, Христос, изображенный на распятии, отнял руки от креста заткнул уши и отвернул лицо от тех, кто проводил погребение, тем самым показав, что душа усопшего погибла.

Хотя в текстах, заимствованных из «Великого зеркала», темы грехов, покаяния, явлений нечистой силы и посмертных мучений являются преобладающими, но есть и другие, например, тема богопознания. Так, притча «Тысяча лет пройде яко день един» (№ 716) повествует об иноке, который хотел понять, то значит фраза «тысяча лет перед Господом как один день». Увидев райских птиц и услышав их пение, он ушел за ними, а когда вернулся, не узнал никого в монастыре, и братия его также не узнала. Игумен понял, что произошло чудо: пока инок созерцал райских птиц, на земле прошло много лет. Притча «О явлении Богородицы некоему священнику» (№ 730) рассказывает об иерее, который желал видеть Богородицу во славе. Ангел сказал ему, что его глаза ослепнут от этого видения, но иерей все равно хотел исполнения своего желания. Когда Божия мать явилась ему, он закрыл один глаз. Иерей ослеп на тот глаз, которым он смотрел на Царицу небесную, но он не пожалел об увиденном и сказал, что готов потерять и второй глаз, чтобы вечно лицезреть эту красоту.

3.2. Народная гравюра и популярные сюжеты древнерусской литературы

Что касается притч, восходящих к другим произведениям древнерусской литературы, то и здесь тема контакта с нечистой силой является наиболее популярной. Так, «Повесть о бесе Зерефере» (№ 722) имеет следующий сюжет. Бес пришел к старцу под видом человека, который желает покаяться. Явившийся после его ухода ангел открыл старцу, кто к нему приходил, и старец по совету ангела предложил вновь явившемуся бесу три года каяться перед Богом лицом на восток. Бес отказался это делать, показав тем свою истинную сущность. Древнерусская «Повесть о бесе Зерефере» была переведена с греческого и распространилась во множестве списков, начиная с XIV в. В 1626 г. она была напечатана Памвой Берындой в типографии Киево-Печерской лавры. Общий топос о кающемся бесе входил также во вступительные статьи к Синодику. Из письменной традиции этот сюжет перешел в фольклорные тексты.²³ К этой же группе можно отнести и «Изгнание трех бесов неким святым» (№ 721). По мнению Д. А. Ровинского, сюжет этой истории восходит к «Повести о бесноватой жене Соломонии».²⁴ Эта повесть была создана в 1670-е годы в Великом Устюге. Ряд списков повести входит в состав житий Прокопия и Иоанна

²³ Повесть о бесе Зерефере. Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина: Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург: Наука, 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века, с. 578.

²⁴ Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 4., с. 537-543.

Устюжских (поскольку они являются исцелителями бесноватой женщины), но она существует и в самостоятельном виде в составе рукописных сборников. На содержание этой повести большое влияние оказали народные поверья о демонах.²⁵ Мы, однако, не можем однозначно соотнести гравированный текст с этой устюжской повестью. Гравированный текст не имеет четкого сюжета, в нем действующим лицом, из которого изгоняют беса, является мужчина, а не женщина. Скорее всего, здесь мы имеем дело с общим топосом, характерным для околочерковной литературы конца XVII–XVIII вв.

Другим типом притч, заимствованных из древнерусских сочинений, являются притчи с богословским содержанием. В этой связи рассмотрим «Слово о притче сказано и о теле человека и о души и о воскресении мертвых» (№ 791). Начало текста отсылает к евангельской притче о виноградарях (Мф 21: 33–46), однако буквально со второго предложения мы видим, то перед нами другой, не соотносимый с евангельским повествованием текст. Притча, помещенная на гравюре, говорит о том, как хозяин виноградника поручил стеречь сад хромцу и слепцу, которые ограбили хозяина и были наказаны. В конце притчи приводится толкование, в котором объясняется, что хозяин виноградника – это Христос, сам виноградник – законы и божии заповеди, слепец – тело человеческое, а хромец – душа человека. Этот текст восходит к Слову Кирилла Туровского,²⁶ а в лубок он попал непосредственно из Пролога (чтение от 28 сентября), куда было включено это Слово. В лубке текст представлен именно в краткой проложной редакции, об этом, в частности, свидетельствует начало текста:

Лубочный текст	Краткая редакция ²⁷	Пространная редакция ²⁸
Человек некто добра рода насади виноград и оплотом огради и	Человек некто добра рода насади виноград и оплотом огради и	Человек некто домовит беяше, иже насади виноград и остени его оплотом и ископа точило и остави вход и створи врата, но не затвори входа

К лубочным притчам с богословским содержанием можно отнести также «Притчу святаго Варлаама о богатых и убогих» (№ 717). Содержание притчи следующее. Царь поклонился двум подвижникам, которые были бедно одеты и плохо выглядели, за что его осудили вельможи. Тогда царь поставил перед ними четыре ковчега. Два из них были позолочены и украшены, и в них лежали смердящие кости мертвецов, а два других были обмазаны смолой и в них находились драгоценные камни и благовония. Вельможи выбрали те ковчеги, которые были позолочены и украшены. Тогда царь объяснил им, что нужно смотреть на то, что внутри, а не снаружи. «Притча о богатых и убогих» (другое название – «О четырех ковчегях») восходит к «Повести о Варлааме и Иоасафе». Так же, как

²⁵ О связи повести и фольклорной традиции см. Скрипиль, М. О.: Повесть о Соломонии бесноватой. In: История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг., с. 292–294; Христофорова, О. Б.: Повесть о бесноватой Соломонии: мифологические контексты и параллели. In: Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 3, № 1, 2020, с. 94–127. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-94-127.

²⁶ Об этой притче Кирилла Туровского подробнее см. Еремин, И. П.: Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. In: Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 30. Петроград: 1925, с. 323–352.

²⁷ Пролог. Первая половина (сентябрь–февраль). Москва: Печатный двор, февраль 1696. Л. 103 об.

²⁸ Еремин, И. П. Притча о слепце и хромце..., с. d., с. 341.

и в предыдущем случае, в народную картинку сюжет попал не непосредственно из повести, а из Пролога за 28 ноября.²⁹

К притчам о поведении христианина относится «Трапеза благочестивых и трапеза нечестивых» (№ 757, № 758). Это общий топос древнерусской литературы. За столом благочестивых людей, которые едят в тишине и с благоговением, незримо присутствуют ангелы, а за столом людей, которые пируют с музыкантами и шутами, – вместо ангелов бесы. Бытующее в церковной среде пожелание «ангела за трапезой» (аналог светского «приятного аппетита») восходит к этому сюжету. Лубочный текст не имеет динамичного сюжета, характерного для притчи, однако имеет назидательный характер и объясняет, как себя надо вести. Впервые в древнерусской литературе этот сюжет появляется в «Поучении об умеренности в застольном питии» Феодосия Печерского,³⁰ где Феодосий приводит видение преп. Никона. Этот же сюжет появляется в 15 главе «Домостроя» («Как с домочадцами угощать благодарно приходящих в твой дом»), но уже без ссылки на видение Никона. Однако в народную гравюру сюжет попал не из этих древнерусских памятников. Поучение преп. Никона о том, как надо вкушать пищу, приводится в «Златоусте» (в субботу 4 недели Великого поста).³¹ «Златоуст» – это сборник учительного содержания, организованный в соответствии с годовым кругом богослужения, тематика большинства статей сборника связана с календарными евангельскими чтениями.³² Название свое он получил в связи с тем, что большинство слов и поучений, входящих в этот сборник, приписываются Иоанну Златоусту. Книга эта имела широкое распространение на Руси в XV–XVII вв. Считается, что Златоуст был составлен на Руси, в частности, потому что включает в себя произведения древнерусской книжности.³³

3.3. Из произведений Дмитрия Ростовского

Отдельно следует сказать о притчах, которые связаны с составленным Дмитрием Ростовским сборником «Руно орошенное».³⁴ Эта книга посвящена прославлению чудотворной иконы Божией матери, находящейся в Троице-Ильинском монастыре около Чернигова. Книга состоит из 24-х статей, каждая из которых делится на четыре части. В первой части содержится рассказ о чуде около иконы, вторая и третья – размышление об этом чуде в контексте Писания. А в «Прилоге», четвертой и последней части, содержится нравоучительный пример из христианской литературы (в частности, из Житий святых). Для нашей темы интерес представляют именно «Прилоги», фрагменты которых попали в народную гравюру.

²⁹ Пролог. Первая половина (сентябрь–февраль). Москва: Печатный двор, февраль 1696. Л. 335 об.–337. Об этом см. Лебедева, И. Н.: К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога. In: Труды Отдела древнерусской литературы, т. 37, 1983, с. 41–53.

³⁰ Публикацию поучения см. Памятники древле-русской духовной письменности. Преподобного Феодосия Печерского поучение об умеренности в застольном питье. In: «Православный собеседник», Кн. 3. Казань, 1858, с. 255–258.

³¹ Св. Иоанна Златоуста и других поучения. Рукопись. ОР РГБ. Ф.304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры) № 142 (1651). Л. 88.

³² В некотором смысле этот сборник является функциональным аналогом Учительного Евангелия, которое получило широкое распространение среди белорусов, украинцев и жителей Карпатского региона.

³³ Творогов, О. В. – Черторицкая, Т. В.: «Златоуст». In: Православная энциклопедия, т. 20. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009, с. 198–200.

³⁴ Руно Орошенное: Беседы и поучения, сост. Свт. Дмитрием Ростовским в похвалу Пресвятой Богородицы, явившей в XVII веке в Чернигове чудеса исцелений при образе Своем Ильинском, окропленном Божественной росой. Санкт-Петербург: Мир – Шпиль, 2003.

Хотя сам Димитрий Ростовский – писатель Нового времени, притчи, заимствованные народной культурой из «Руна орошенного», относятся скорее к средневековой письменности, чем к литературе Нового времени. Однако нужно отметить, что все эти фрагменты отвечают общему замыслу сочинения св. Димитрия, в них, в отличие от большинства притч, попавших в гравюру из «Великого зеркала», говорится не столько о гибели грешника, сколько о его спасении.

Притча «Кающегося Бог готов прощати» (№№ 710–711) имеет следующий сюжет. Грешник молится перед иконой Божией матери и видит, что у младенца открываются и кровоточат раны, как у Спасителя на кресте. Раны у младенца открываются от грехов человеческих, а Божья мать молит своего сына спасти грешных. Грешник же, увидев все это, изменил свою жизнь: «Скончившуся видению обрете сердце свое страха и радости исполнено и начат прилежнее плакать и рыдати и припадающе ко образу Владычицы благодаряще и мняше да якоже виде во ужасном видении благосты(ни) Господни, грехи прощающе, сице и всегда помиловану ему быти и оттоле исправль свое житие, поживе богоугодне». Хотя мы здесь имеем дело с общим топосом, характерным для христианской культуры, можно утверждать, что этот текст с некоторыми изменениями был заимствован в народную гравюру непосредственно из «Руна орошенного». В сочинении Димитрия Ростовского он был помещен в последней главе сочинения, а после него находится завершающая все сочинение молитва Богородице. В гравюре также помещена эта молитва, так что сомнений быть не может.³⁵

«Сказание о Петре Мытаре» (№№ 710–711) рассказывает следующую историю. Петр был злым человеком, имел много рабов и никогда не подавал милости нищим. Однажды, когда нищий просил милости, он кинул в него хлебом, единственным что было у него под рукой. Когда Петр тяжело заболел, ему явились ангелы и сообщили, что он не делал никаких добрых дел, кроме хлеба, брошенного нищему случайно, и его душа погибнет. Но ему был дан шанс исправить свою посмертную судьбу. Петр отпустил своих рабов, раздал имущество и попросил, чтобы его продали в рабство. Его купил богобоязненный человек. Петр стал работать у него, и однажды его история стала известна. Тогда он бежал из дома своего господина, чтобы избежать человеческой славы. Привратник по своей воле открыл ему ворота, потому что «пламень изшед из уст его и коснулся ушима и языце». Хозяева «изшедше скоро искавше и не обретоша его и прославиша Бога, прославляющего святыя своя». Д. А. Ровинский указывает, что источником текста было «Руно орошенное».³⁶ У Димитрия Ростовского этот сюжет входит в 20-ю главу, где в «Прилоге» говорится о мытаре Петре, однако, сравнив тексты, помещенные у Димитрия Ростовского и на лубочном листе, мы пришли к выводу, что, скорее всего, в народную гравюру этот текст попал из другого источника, так как в гравированном варианте он более длинный и имеет другой конец. То есть у Димитрия Ростовского и составителя лубочного текста был общий источник, указать на который затруднительно.

В «Руне» мы находим и также сюжет, соотносимый с № 718, который был описан нами как заимствованный из «Великого зеркала», куда он, в свою очередь, попал из «Золотой цепи».

³⁵ Аналогичный сюжет находим в «Притче о некоем беззаконнике» (№ 725). Но поскольку этот сюжет повторяется в разных сочинениях христианской тематики, а текста Молитвы Богородице за ним нет, однозначно утверждать, что он восходит к «Руно орошенному» мы не можем.

³⁶ Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 4., с. 528-529.

4. Лубочные притчи из источников Нового времени

Если предыдущие тексты притч рассматривались в контексте средневековых сочинений, то в этой главе будут рассмотрены притчи, возникшие (или переосмысленные) под влиянием культуры барокко. Гравюра была идеальной формой бытования барочных текстов. Ведь барокко выдвигало идею синтеза искусств, и визуальная форма репрезентации смысла становилась чрезвычайно актуальной. Притча мигрирует в сторону эмблемы, где обобщенный смысл (поучительный компонент) представлен не только в виде текста, но и в виде картинки.

В Россию новые формы, связанные с барокко, пришли в XVII в. вместе с выходцами из белорусских и украинских земель. И здесь главенствующую роль играет польский компонент, который в свою очередь опирался на латинскую традицию. Речь идет о традиции западной духовной школы. Это привело к расширению того литературного материала, на который опирались иносказательные тексты: в курсах Риторики и Поэтики XVII в. басня и притча не разграничивались, а, скорее, объединялись. Известны случаи, когда библейские притчи попадали в эзоповы сборники.³⁷ Притча, как и басня, отвечает принципам эстетики барокко, показывая место частного случая в общей системе ценностей.

Если в предшествующей традиции читателю или слушателю предлагался частный сюжет, то барочная притча показывает общий контекст, встраивая частную историю в мироздание. Рядом с добродетелью будут обозначены грехи, рядом с блаженствами – иерархия мук в аду. Иллюстрацией этого положения может служить гравюра «Лестницы, ведущие в рай и в ад» (№ 759). Известно, что «Лестница», сочинение Иоанна Лествичника, строится на ступенях восхождения человека к Богу, где каждая ступень – это определенная добродетель. Но в гравюре барокко – одна лестница ведет на небо, а другая – вниз, в ад. Лестницы симметричны, каждая из них имеет 37 ступеней, конкретная ступень соответствует одной добродетели или же одному греху. Добродетели и грехи кратко комментируются, иногда приводятся отсылки к Писанию. Вот как выглядят последние ступени двух лестниц. Добродетели: «правда – от смерти избавляет, любовь – покров многих грехов, вера – спасение душ наших, пост – плоть облегчает». Грехи: «идолослужение – подобно Езавели, ражение – подобно Авесалому, корень самых злых и диаволу угодных дел, оклеветание – подобно судиям на Сусанну, плясание – невеста самого сатаны».³⁸

Мы не ставили перед собой задачу установить источники «барочных» притч. Мы полагаем, что образцами для русской гравюры служили западные гравюры, а поскольку сколько-нибудь полного каталога таких гравюр, подобного каталогу Д. А. Ровинского, у нас нет, указать на оригинал практически невозможно. Текст, сопровождающий европейскую гравюру, мог переводиться на упрощенный церковнославянский язык в виде вирш, а мог и самостоятельно составляться теми, кто изготовлял русскую гравюру.

Рассмотрим сюжеты, представленные в «барочных» притчах. Сюда относится гравюра «Грешник и праведник» (№ 754). За грешником стоят фигуры, подписанные как «смерть», «ад», «мир»,³⁹ за праведником – «вера», «надежда» и «любовь». Вверху изображен Спаситель и семь блаженств. Картинку сопровождает назидательный текст в виршах. Лист «Спасение человека, раздающего милостыню» (№ 755) тоже примыкает к этой группе

³⁷ Сазонова Л. И.: Литературная культура России. Раннее Новое время. Языки славянских культур. Москва: 2006, с. 653.

³⁸ Ровинский, Д. А.: Русские народные картинки. Т. 3., с. 135-136.

³⁹ Здесь слово «мир» употреблено в значении 'мирская жизнь; то, что противопоставлено духовной жизни'.

притч.⁴⁰ В середине листа изображен человек, раздающий милостыню. Его части тела подписаны следующим образом «во ушех слышание книжное, во устех молитва, во языке истина» и т.д. У ног его изображены нищие, справа – Божий мир с подписью «селение праведному – птицы небесные, скоти и волове, рыбы морские». Вверху выгравирована надпись: «Близ Господь всем его призывающим, во истине волю боящихся его, и сотворит хвалу им, и услышит, Свят. Человече, аще сия его сохраниши и будеши сын света Царствия небесного, наследник вечныя радости и будешь гражданин вышнего Иерусалима».

«Зерцало грешника» (№ 742) представляет собой сложную композицию изображений и сопровождающих их виршевых текстов. Около изображения грешника надпись, повествующая о том, кто такой грешник и что такое грех. Рядом с грешником изображено грехопадение прародителей и помещены соответствующие вирши. «Неблагодарнии, что вы учинили, / смотри винностию ко кресту пригвоздили, / аще будете веровать в мене / то скоро получите помощь от мене. / Тамо надлежало благословенню изчезновенну быти / по искании твоём и рождении можете мук избыти...» и т. д. Там же помещена смерть с косою и тексты от ее лица, а внизу, под изображением смерти, – часы, которые говорят о краткости жизни, и гаснущая свеча. В целом, текст имеет ту же интенцию, что и средневековые притчи, которые говорят о неизбежности смерти.

К барочной притче можно отнести и гравюру «Душа чистая» (№ 760). Душа изображена в виде царицы, стоящей на луне, в руке она держит цепь, на которой прикован лев. Справа сверху изображен Спаситель, в нижнем правом углу в рубище в пещере сидит «душа грешная», на нее смотрят дьявол и змей. Прозаический текст «Душа чистая яко девица преукрашена и т.д.» говорит о значении молитвы, которая и «пламень огненный погаси», и «терни греховное потреби» и «льва связа».

Притча «О добрых двенадесяти друзьях» (№ 761) перечисляет друзей человека, которыми являются добродетели. «Друг правда от смерти избавляет человека, друг чистота к Богу человека приводит, друг любовь, идеже любовь тамо и Бог». Далее перечислены такие друзья, как «труды», «послушание», «смирение», «воздержание», «рассуждение», «неосуждение», «покаяние», «молитва», «милость». Каждая добродетель представлена отдельной картинкой со сценой, демонстрирующей эту добродетель. В конце приведен прозаический текст, призывающий человека дружить с добродетелями.

На гравюре «Двенадцать заповедей в лицах» (№ 762) изображены 12 фигур добродетелей. Каждая из них имеет подпись: «(1) Убей грех, (2) отца почитай, (3) мать слушай, (4) проклиная беса, (5) брака желай, (6) бегай блуда, (7) люби жену, (8) блудницу ненавиди, (9) серебро любие отрини, (10) снабди благих, (11) твори милостину, (12) прелюбодейства не твори». Ниже этих фигур изображена весна в виде женщины, зима в виде старика, лето в виде юноши, осень в виде Бахуса. Еще ниже подпись: «Человече аще сия двенадцать заповедей сохранишь, то и бес труда царство небесное получишь». Под этой подписью сидит время, изображенное как крылатый старик, с косою в руке и песочных часах на голове.

Гравюра «Образ послушания» (№ 776) изображает послушание в виде женщины с крыльями, одетой в монашескую одежду, с четками за поясом. Она несет на спине якорь, около которого написано «терпеливо» и колонну с подписью «крепко», в руках держит скрипку с подписью «весело», на ее покрывале надпись «смиренно», на крыльях – «скоро», рядом ребенок с подписью «просто» и собака с подписью «со усердием». Таким образом, каждая черта, присущая послушанию, имеет зрительный образ. Здесь же изображено

⁴⁰ Похожий текст с тем же названием находим под № 770.

распятие, а по бокам пороки в виде людей со звериными головами, которые пускают стрелы в сторону послушания. Все это сопровождается виршевым текстом, в котором присутствуют библейские аллюзии.

Мы видим, что в отличие от средневековой притчи представленная в народной картинке барочная притча почти не обращается к теме бесов и загробных мучений. Тема греха и гибели уравнивается темой добродетели и спасения души. Конкретный человеческий поступок имеет свое место в общей картине мироустройства, всякое конкретное деяние является частным случаем чего-то более общего. Можно говорить о перерождении жанра притчи в барочной поэтике. Здесь картинка становится первичной по отношению к тексту, здесь появляются символические изображения, аллегории грехов и добродетелей. На место сюжетного нарратива о конкретном человеческом поступке приходит обозначение того или иного порока или же благого дела. Читатель не приходит к назидательному выводу постепенно, по мере развития сюжета, как это было в средневековой притче, он сразу фактически оказывается перед выводом, который обозначен и словесно, и зрительно.

Остается прояснить еще один вопрос. Почему произведения, написанные в «ученой» поэтике школьного барокко, были столь популярны в народной гравюре, адресованной широкой аудитории? В самом деле, если во второй половине XVII в. барочная поэтика распространялась в придворных кругах и в кругах образованных людей, то в XVIII в. многие из этих текстов были адаптированы народной литературой. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что риторическое устройство школьного нравоучительного текста прекрасно соответствует запросам широкой аудитории. Три главных цели изучения поэтики, которые декларировала духовная школа Речи Посполитой – возбуждать (*move*), учить (*docere*) и развлекать (*delectare*) – формируют тот самый текст, который может быть воспринят народом. Нравоучение, развлечение и динамичный сюжет были востребованы широким читателем. Возможно, именно поэтому вирши «школьного» (т.е. восходящего к школьной поэтике) барокко прижились и распространились в низовой культуре.

В народной картинке бытовали притчи, заимствованные как непосредственно из Евангелия, так и из различных литературных источников. Большая часть текстов литературного происхождения, восходящих к общеевропейским христианским сюжетам, была взята из польских и украинских источников. Другие тексты попали в лубок из сборников, типа Пролога и Златоуста. На материале народной гравированной картинки можно проследить трансформацию жанра притчи от Средневековья к Новому времени. Особый интерес представляют в этом отношении тексты, соотносимые со «школьной» барочной традицией, поскольку они знакомят читателей с литературными и риторическими новшествами. Типологические и генетические параллели между культурами *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* проявляются не только в ученой книжности, но и в массовой благочестивой литературе, адресованной самому широкому читателю.

Kresťanské podobenstvá na ľudových rytinách 18. – 19. storočia v celoslovanskom kultúrno-jazykovom kontexte

Aleksandra Pletnevová

Príspevok sa zameriava na analýzu pamiatok ľudovej literatúry, konkrétne textov podobenstiev, ktoré sú prezentované na ľudových rytinách. Podobenstvá slúžili ako zábavné i poučné čítanie, mohli byť použité aj ako materiál pre cirkevné kázne. Ľudové grafické zobrazenia môžu zahŕňať klasické prozaické podobenstvá a podobenstvá skomponované v sylabickom verši, ktoré korešpondujú so „školskou“ barokovou básnickou tradíciou. Časť podobenstiev uvádzaných na grafikách má pôvod v evanjeliových textoch. Ostatné podobenstvá môžu súvisieť s prekladovými i pôvodnými dielami staroruskej literatúry. Okrem toho je možné v nich identifikovať aj texty podobenstiev pochádzajúce zo západoeurópskeho prostredia. Väčšina podobenstiev, ktoré sa stali súčasťou populárnych grafik, pochádza zo zbierky príbehov „Veľké zrkadlo“, ktorá bola preložená z poľštiny do cirkevnej slovančiny. Ďalšie texty neevanjeliového pôvodu sa na rytiny dostali prostredníctvom zbierok Prológa a Chryzostoma. Je dôležité konštatovať, že tradície Slavia Orthodoxa a Slavia Romana majú spoločné východisko pre mravoučné príbehy.